

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

*Сборник Всероссийского семинара молодых ученых
им. П.В. Копнина*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

БЫТИЕ ИСТИНЫ КАК КОНКУРЕНТНАЯ РЕПЛИКАЦИЯ**Б.Н. ПОЙЗНЕР, А.В. САВЕЛЬЕВА**

Скоро ль истиной народа станет истина моя?
Осип Манделштам <1914>

Н.А. Бердяев напоминает: «...философия есть школа любви к истине, прежде всего к истине» [1, с. 17]. Его тезис побуждает задуматься: каков же *modus vivendi* истины в социокультурной среде? Какой язык описания пригоден, чтобы моделировать восприятие и распространение истины в обществе? Продолжая сюжет [2], авторы предлагают искать ответы, обращаясь к синергетике [3], социальной информатике [4], аттрактив-анализу [5] и другим подходам. Будем понимать истину как культурную универсалию субъект-объектного ряда, чьё содержание – оценка знания в плане его соотношения с предметной сферой и со сферой процессуального мышления [6, с. 287].

Вездесущая репликация. С позиций синергетики и социальной информатики, культурная универсалия (и любой культурный образец, т.е. объект в сфере культуры, с которым человек или группа соотносят своё восприятие, мышление, воображение, поведение [7, с. 35–43]), есть *репликатор* – объект, побуждающий определённые среды его копировать [8, с. 175]. Таков фотон в лазере, ген, технология, компьютерный и медиавирус, социальная норма и т.д. Содержание любой истины – тоже репликатор, актуальный (воспроизводимый в некоем сообществе) или потенциальный (ещё не известный миру либо уже забытый, но способный копироваться в социуме). *Репликацией* будем называть спонтанное самовоспроизведение структур – информационных либо материальных.

В состоянии неустойчивости неравновесной системы репликатор способен *инициировать* в ней процесс самоорганизации, т.е. спонтанного необратимого перехода от старого порядка – через хаос – к новому. Обращение к понятию ресурса репликации [3; 4] раскрывает *дилатационную* (от лат. *dilatatio* – расширение) сторону самоорганизации в системе. Неологизмы «дилатация», «дилатационизм» предложил А.И. Сосланд. «Наше отношение к пространству, – настаивает он, – какой бы аспект мы ни затрагивали, всегда очерчено одним направлением – к расширению. Характеристики психологического, жизненного пространства увязаны с аксиологическим измерением твёрдо и жёстко. “Дурное” – это всегда малое, мелкое, суженное, тесное, скованное. Оно отмечено границами, блоками, зажимами, ограничениями, запретами. “Благое” – всегда широкое, крупное, свободное, нестеснённое, раскованное» [9, с. 290].

Простейшая модель акта самовоспроизведения – универсальный логический оператор импликации: «если *A*, то *B*». Здесь *A* – некие условия, *B* – предпринимаемое в них действие либо новые условия. Изучая взаимодействие репликаторов в реальных системах, можно строить графы [10, с. 321], т.е. сети и разветвления операций «если *A*, то *B*». Прогресс моделирования видится нам в привлечении «алгебры совести» – математического аппарата, построенного В.А. Лефевром [11]. В ча-

стности, это позволит формализовать описание автоматизма, с каким человек принимает решения, следуя некой истине.

Согласно К. Гирцу, общественные формы есть материя культуры [12, с. 38]. Репликация таких форм есть безальтернативный способ существования культуры. Всё, что несамовоспроизводимо, не соприродно культуре, а потому не удерживается в ней либо оттесняется на её периферию, в её подполье. Каковы корни этого дуализма?

Вероятно, их обнажает разграничение, сделанное С.Д. Хайтуном: на всех стадиях эволюции проявляются два фундаментальных превращения: *порядок из хаоса* (вспомним название книги [13]) и *хаос из порядка* [14, с. 337]. Версии происхождения дуализма репликационное / несамовоспроизводимое – применительно к человеку – мы находим у Ж. Батая в концепции эротики (1957) и в «смыслогенетической культурологии» А.А. Пелипенко. Они не используют понятия репликатора, но обращаются к оппозиции «дискретное / непрерывное» [15, 16] и, соответственно, «системное / диссистемное» в культуре [16]. «<...> мы испытываем ностальгию по утраченной непрерывности, – пишет Ж. Батай. – Мы плохо переносим свою прикованность к своей случайной, смертной индивидуальности. Мы тревожно желаем, чтобы эта смертная индивидуальность длилась, но в то же время одержимы изначальной непрерывностью, которая связывает нас с бытием вообще». Три формы эротики (телесная, сердечная, сакральная) «стремятся заменить дискретность отдельного существа чувством глубинной непрерывности» [15, с. 497–498]. А, согласно А.А. Пелипенко, историческая динамика всякой культуры обусловлена противоположно направленными тенденциями: 1) «к перманентному распаду палеосинкретизиса под действием дискретизирующих и дифференцирующих практик» (вектор: от хаоса к порядку, – сказали бы мы вслед за С.Д. Хайтуном); 2) «к возврату в непротиворечиво-континуальное состояние посредством синтезирующих и гомогенизирующих практик» [16, с. 27] (вектор: от порядка к хаосу).

Да, тяга к «возвращению» и её толкование составляют одну из констант культуры. Так, гностики учат об отпадении душ от их духовного отечества, о необходимости вернуться к изначальной полноте бытия. Её именуют плеромой (др.-гр. πλῆρωμα – полнота, обилие, множество). Потребность европейца вернуться к своим истокам, к исходной целостности Ю.А. Шичалин называет эпистрофическим порывом, *elan epistrophique* (от др.-гр. ἐπιστροφή – оборот, обращение, поворот) [17, с. 9–10]. Вероятно, в таком контексте критерий истинности – постулат Вяч. Иванова: «<...> то, чего нельзя по-классически передать, в последнем своём пределе не соответствует истине» (цит. по: [18, с. 94]).

По нашему мнению, идеи Ж. Батая и А.А. Пелипенко объясняют эволюционное происхождение базовых репликаторов: Дела и (значительно позднее сформированного) Слова, т.е. структур поведенческой и логической (связанной с речью) информации [19]. Так, в терминологии А.А. Пелипенко, человека отличает спонтанное стремление «восстановить частично распавшуюся эмпатическо-энергетическую связь с универсумом и вернуться в естественно-непротиворечивое состояние». Источник такого непреодолимого импульса на общеэволюционном уровне – «коллективная память о дочеловеческом прошлом, а на уровне отдельного субъекта – память о *внутриутробном состоянии*. <...> Это – генетически транслируемый идеал существования». Поскольку единство с миром, с объектом утрачено, «то всё, что возможно, – это овладеть его знакообразом, который никогда не равен самому себе. Будучи овеществлён, он имманентен миру единичных объектов, но, будучи в то же время и знаком, он, как и всякий знак, отсылает сознание к чему-то иному». Это иное, сиречь «первоначально иноположенная сознанию данность», именуется *прафеноменом*. Знакообраз отсылает сознание не только к прафеномену, но и «к первичному переживанию партисипации с прафеноменом. *Так рождается артефакт – феномен культуры*». Дополняя дефиницию, данную Г.Г. Шпетом,

А.А. Пелипенко определяет смысл как «ценностно переживаемое значение, иноположенное (выраженное) в кодах (знакообраз), которое, социально транслируясь, реализуется в контексте культуры» [16, с. 21–22] (курсив А. Пелипенко). Естественно, смысл есть репликатор: ведь он выражен в кодах и способен передаваться в сообществе, самовоспроизводясь.

Кажется, следующий шаг – синергичная антропология. С.С. Хоружий, разрабатывающий её с 1980-х годов, утверждает (как и Ж.-Л. Нанси): никакой сущности, ядра человека не существует. Вместо поиска его сущности С.С. Хоружий ставит задачу определения, описания Антропологической Границы. Решая задачу, он вводит «универсальный концепт»: *размыкание* человека. Базовых способностей размыкания (перехода от замкнутости к открытости) три. «Человек может размыкать себя к иному бытию, к иному существу, или же просто недозамкнуть себя, то есть быть виртуальным человеком» [20, с. 13–14, 31, 56]. Концепции авторов [5, 9, 11, 14–17] помогают выявить комплекс факторов, детерминирующих отношение человека к истине, но это – отдельная задача.

Восприятие и передача истины как репликация. Можно предположить, что в ситуациях обоснования и оценки философской или художественной истины люди более склонны (чаще бессознательно) исходить из соответствия содержания истины *ретротенденции*, скажем, эпистрофическому порыву. Логично ожидать: а) репликации истины в обществе присущи конкурентный и дилатационный характер; б) предпочтение отдаётся истинам, ассоциирующимся с «возвратом к истокам» и с размыканием человека к Иному; в) степень этого предпочтения (статистически достоверно измеренная) – средство диагностики общественных умонастроений, связанных с тягой к восстановлению непрерывности и т.п.

Многократное воспроизведение истины в широких слоях общества влечёт амортизационный износ репликатора: вульгаризацию, снижение и искажение смысла. И научное сообщество сегодня из-за его массовости [21] не составляет исключения. Чем больше актов репликации, тем выше вероятность *мутации* семантики репликатора. Но возможен и аналог прогрессивной эволюции. Её условия обосновывает фрактальная семиотика [22]. Трактую феномен «открытия» истины «наблюдателем» как исследование фрактала, она утверждает контекстуальную детерминацию истины в семиосфере [2].

В природных и технических системах происхождение репликатора не имеет значения. Но у ряда приматов эффективность рецепции и трансляции новых форм поведения зависит от иерархического положения «автора» в стаде [23, с. 10–11]. В человеческом социуме эта закономерность выражена неизмеримо сильнее. Чем более массовым становится научное сообщество [21], тем отчётливее она проявляется. Но в точных, естественных, инженерно-технических науках конкуренция истин идёт, главным образом, в *диахронном* плане: «старая» истина вытесняется новой в более узкую область условий либо опровергается. Авторство истины мало значимо, к тому же нередко оно коллективное.

А конкуренция истин, предлагаемых социогуманитарным знанием и религиозными доктринами, разворачивается *синхронно*, т.е. «старые» истины сохраняются в актуальном фонде культуры. Приемлемую процедуру верификации философских истин едва ли можно построить: очень уж велика терминологическая и критериальная несовместимость разных методов, систем, дискурсов. Здесь важен *авторитет* источника истины, а иногда – социальные доказательства ценности новой истины. Обычно ценность доказана, если число адептов истины превышает пороговый минимум [4, с. 107–109]. Репликация и самоорганизация (вызванная принятием или отвержением новой истины) имеют особенности, отличающиеся для естественнонаучной либо гуманитарно-художественной среды.

Наши положения согласуются с теорией А.И. Сосланда. Он оперирует концептом *идеобаллия* (от др.-гр. *ιδεα* – общее свойство, идея, начало + *βαλλω* – метать), который имеет явный репликационный смысл. Неологизм «идеобаллия» означает «деятельность, объединяющую в себе производство идеи и её распространение в коммуникативном пространстве». Причём одно из «главных направлений удовлетворения идеобаллической потребности – формирование *идеобаллического сообщества*». Почти всегда оно «формируется вокруг некоей харизматической личности» [9, с. 303–305], т.е. авторитета. Заметим, что тезис об удовлетворении идеобаллической потребности корректен и выражает общий принцип автогенеза информации В.И. Корогодина [4, с. 17–19].

Ситуация выбора человеком истины из нескольких альтернативных – частный случай выбора культурного образца. Здесь существенна – порой не поддающаяся рефлексии – притягательность репликатора. А.И. Сосланд резонно полагает, что в тексте всегда есть явные и скрытые послания, которые «обращены к читателю и содержат в себе некое повествование о самом авторе», а читатель «отождествляет себя с автором этого текста». Для обозначения того, что делает образ автора привлекательным, А.И. Сосланд предлагает концепт «антиванитатизм (от лат. *vanitas* – призрачность, видимость, суета, бесплодность, праздная болтовня и т.д.)». Это «тенденция к диагностике, развенчанию и преодолению всего “суетного”». В контексте антиванитатизма «суетное» противопоставляется «сущностному», «неподлинное» – «подлинному», «видимое» – «действительному», «поверхностное» – «глубокому», «временное» – «вечному» [5, с. 140]. Тогда эпистрофический порыв отличается бесспорным антиванитатизмом. Ещё в большей мере это относится к тем установкам, художественным формам и культурным практикам, какие – явно или скрытно – повёрнуты к «непрерывности, которая связывает нас с бытием вообще» (Ж. Батай), к палеосинкрезису, «к первичному переживанию партисипации с прафеноменом» (А.А. Пелипенко), к плероме. Насколько можно судить, движение человека к Антропологической Границе задаёт высший уровень на шкале антиванитатизма, но это уже другая тема.

Resume. Истина как культурный образец есть репликатор. На (ис)ход конкуренции истины с другими истинами в сообществе влияет интерференция трёх факторов. 1. Наличие доступной и конвенциональной процедуры верификации истины. 2. Восприятие фигуры источника истины и / или содержания истины по ассоциации с ретрогендентией: эпистрофическим порывом, антиванитатизмом, трансгрессией *etc.* 3. Величина ресурса репликации семантики истины, возобновляемого благодаря трансляции её от поколения к поколению и от одной социальной группы к другим.

Чтобы создать язык описания того, как *mens agitat molem*, целесообразно сблизить понятийные аппараты синергетики, социальной информатики, теорий Ж. Батай [15], В.А. Лефевра [11], А.А. Пелипенко [16], А.И. Сосланда [5, 9], В.В. Тарасенко [21], С.С. Хоружего [20]. А понятие репликации здесь – методологический посредник.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 11–30.
2. Торпов Н.А., Хабибуллин Р.Р. Поиск научной истины в зеркале семиотического фрактала (см. публикацию в данном издании).
3. Пойзнер Б.Н. Репликация – латентный трансдисциплинарный концепт? // Новые идеи в аксиологии и анализе ценностного сознания: Коллективная монография. Вып. 4. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. С. 220–258.
4. Соснин Э.А., Нургалева Л.В., Пойзнер Б.Н. Информационные системы и личность: принципы взаимодействия: Учеб. пособие. Томск, 2004. 120 с.

5. *Сосланд А.И.* Антиванитатизм: Концепт системы аттрактив-анализа // Русская антропологическая школа. Труды. М.: РГГУ, 2004. Вып. 1. С. 138–152.
6. *Новейший философский словарь* / Сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. 896 с.
7. *Розов Н.С.* Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. 213 с.
8. *Дойч Д.* Структура реальности. Ижевск, 2001. 400 с.
9. *Сосланд А.И.* Дискурс, расширяющий пространство // Русская антропологическая школа. Труды. М.: РГГУ, 2004. Вып. 2. С. 289–308.
10. *Розов С.М.* Дарвинизм и эпистемология: генетика и меметика // На теневой стороне. Матер. к истории семинара М.А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. Новосибирск: НГУ, 1996. С. 311–338.
11. *Лефевр В.А.* Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003. 426 с.
12. *Гириц К.* Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
13. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Под ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
14. *Хайтун С.Д.* Механика и необратимость. М.: Янус, 1996. 445 с.
15. *Батай Ж.* Эротика // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология / Сост. С.Н. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. С. 491–705.
16. *Пелипенко А.А.* Культура – существительное одушевленное // Человек. 2007. № 4. С. 17–31.
17. *Шичалин Ю.А.* Елίστροφι, или Феномен возвращения в первой европейской культуре // Шичалин Ю.А. Античность – Европа – История. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1999. С. 5–64.
18. *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 384 с.
19. *Пойзнер Б.Н.* Лоуос или Прауца? О стратегических агентах социокультурной самоорганизации // Третьи Курдюмовские чтения: Синергетика в естественных науках: Материалы Международной междисциплинарной научной конференции (19–22 апреля 2007 г.). Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. С. 359–365.
20. «*Расставим антроповехи!*»: Беседа директора ИСА С.С. Хоружего с художниками – участниками проекта «ВЕРЮ» 1 ноября 2006 г., г. Москва. М.: Ин-т синергийной антропологии, 2006. 58 с.
21. *Петрова Г.И.* Антропология творчества, или как возможна «массовая наука» // Тр. Всерос. философского семинара молодых учёных им. П.В. Копнина (Сессия 2): Тр. Том. гос. ун-та. Сер. философская. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Т. 268. С. 27–32.
22. *Тарасенко В.В.* Фрактальная семиотика: наблюдатель в масштабах языка // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 490–506.
23. *Медников Б.М.* Аналогия (параллели между биологической и культурной эволюцией) // Человек. 2004. № 1. С. 5–17.